

На правах рукописи

Афанасова Елена Николаевна

**Реализация социальной политики Советского государства в
области охраны материнства и детства в 1920–1930-е гг.
(по материалам Восточной Сибири)**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2020

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Иркутский государственный университет»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор **Занданова Лариса Викторовна**

Официальные оппоненты: **Доржу Зоя Юрьевна**, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», кафедра отечественной истории, заведующий

Номогоева Виктория Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», кафедра истории Бурятии, доцент

Сивцева Саассылана Иннокентьевна, доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», кафедра истории, обществознания и политологии, профессор

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»**

Защита диссертации состоится 17 декабря 2020 г. в 13.00 ч. на заседании диссертационного совета Д003.027.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6) и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан 24 сентября 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

 Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Необходимость совершенствования государственной политики в отношении материнства и детства и механизмов ее реализации требует осмысления опыта, накопленного в предыдущие периоды. Исторический опыт может послужить основой для поиска эффективных способов решения проблем организации и развития лечебно-профилактической помощи женщинам и детям, создания системы дошкольных учреждений, отвечающей потребностям населения, преодоления кадрового дефицита, успешной социализации детей, оставшихся без попечения родителей.

В контексте современных задач улучшения медицинской помощи матери и ребенку большой интерес представляет опыт создания медицинских учреждений и организации их деятельности в условиях серьезного ресурсного дефицита. Важным становится изучение вопроса формирования профессионально подготовленного кадрового состава учреждений охраны материнства и детства.

Не менее актуальным является изучение процесса формирования системы дошкольных учреждений в двадцатые–тридцатые годы XX в., сложившейся из учреждений различных типов, а также основных принципов их существования и содержания их деятельности. Созданная в этот период система дошкольного воспитания сохраняется до сих пор.

Изучение отношения общества к детям, оставшимся без попечения родителей, проявившееся в заботе об их воспитании и мероприятиях по созданию разветвлённой сети государственных учреждений, помогает оценить важность расширения семейных форм воспитания, осознать необходимость развития серьезной государственной поддержки семей с приемными детьми.

Степень научной разработанности проблемы. Реализация социальной политики в области охраны материнства и детства в Восточной Сибири как научная проблема мало изучена в исторической литературе. Нами проведен анализ историографических источников, который представлен в первом параграфе первой главы диссертации.

Цель работы – дать конкретно-историческую характеристику процесса реализации государственной социальной политики в сфере охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

1) выявить степень изученности проблемы охраны материнства и детства, определить основные этапы процесса накопления научных знаний по данной теме, определить общее и особенное в концептуальных основах и трактовках проблемы авторами на разных этапах;

2) на основе анализа сформированного комплекса репрезентативных источников дать оценку реализации государственной социальной политики в сфере охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.;

3) с помощью различных типов и видов источников восстановить хронологическую последовательность и содержательную сторону процесса создания государственной системы охраны материнства и детства;

4) проследить трансформацию законодательных основ, направленных Советской властью на реализацию социальной политики и в отношении материнства и детства на различных этапах ее проведения;

5) выявить меры медицинской помощи женщинам в годы НЭПа и охарактеризовать их содержание;

6) показать ход реализации мероприятий по охране здоровья детей в 1920-е гг.;

7) дать оценку деятельности медицинских организаций по оказанию лечебно-профилактической помощи женскому населению в годы пятилеток;

8) выявить и показать специфику мероприятий, направленных на охрану здоровья детей в 1930-е гг.;

9) рассмотреть процесс формирования сети дошкольных учреждений в 1920-е гг.;

10) охарактеризовать объективные и субъективные факторы развития системы дошкольных учреждений в 1930-е гг. и показать динамику изменений в годы первых пятилеток;

11) проследить политику государства в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, через создание системы специализированных учреждений в 1920-е гг.;

12) дать оценку мерам социальной помощи детям, оставшимся без попечения родителей, оказываемой в 1930-е гг.

Объектом исследования является государственная социальная политика в отношении материнства и детства в 1920–1930-е гг.

Предмет исследования – процесс реализации комплекса государственных мер по отношению к материнству и детству в Восточной Сибири в 1920–1930-е гг., выразившихся в создании и развитии лечебно-профилактической помощи, системы дошкольных учреждений, устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Хронологические рамки исследования представлены периодом 1920–1930-х гг.

После Октябрьской социалистической революции, в ходе Гражданской войны, начался процесс создания государственных органов власти, призванных реализовывать проводимую государством социальную политику в отношении материнства и детства, и системы учреждений как институтов охраны материнства и детства. Нижняя граница исследования определена 1920-м годом и обусловлена установлением советской власти в губерниях и республиках Восточно-Сибирского региона. В это время дореволюционные институты охраны материнства и детства были изменены на систему государственных учреждений, ставших ключевым средством реализации советской модели охраны материнства и детства.

Верхняя граница исследования – конец 1930-х гг. С началом Великой Отечественной войны происходит кардинальное изменение государственной социальной политики, в т. ч. в сфере охраны материнства и детства.

Выбор хронологических рамок работы обусловлен несколькими моментами. Во-первых, данный период является временем интенсивного создания новых организационно-правовых форм государственной социальной политики в отношении материнства и детства. Во-вторых, период с начала 1920-х гг. по конец 1930-х гг. характеризуется положительными изменениями в институциональной системе охраны материнства и детства. В-третьих, увеличение

количества учреждений охраны материнства и детства оказало значительное влияние на качество и условия жизни женщин и детей.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Восточной Сибири. При этом административное деление региона с 1920-го по 1939-й год неоднократно менялось и включало разные административно-территориальные единицы. В частности, в 1920 г. – Иркутскую, Енисейскую и Якутскую губернии и Забайкальскую область в составе Дальневосточной республики. В результате проведенных преобразований административно-территориального деления РСФСР в 1923 г. на территории Восточной Сибири размещались Иркутская, Енисейская и Забайкальская губернии, Бурят-Монгольская и Якутская АССР.

В 1925 г. Енисейская губерния была упразднена, а ее территория вошла в состав Сибирского края, к которому в 1926 г. была присоединена и Иркутская губерния. В 1930 г. из Сибирского края был выделен Восточно-Сибирский край, которому были переданы Читинский и Сретенский округа Дальневосточного края. В 1934 г. в его составе был образован Красноярский край. В 1936 г. Восточно-Сибирский край был разделен на Восточно-Сибирскую область и БМАССР. В 1937 г. из Восточно-Сибирской области были выделены Иркутская и Читинская области. С 1937 г. территория Восточной Сибири включала БМАССР и ЯАССР, Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области.

Историография проблемы и источниковый анализ представлены в первой главе диссертации.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования являются основополагающие принципы исторической науки – научная объективность и историзм.

В соответствии с принципом научной объективности выявлена совокупность исторических фактов, осуществлена реконструкция исторической картины реализации государственной политики в отношении материнства и детства на территории Восточной Сибири.

Принцип историзма стал основой для рассмотрения процессов в динамическом развитии, позволил осмыслить совокупность мероприятий в отношении женщин и детей как изменяющийся управляемый процесс, протекающий в течение двадцатилетнего

временного отрезка, понять влияние конкретных исторических условий на осуществление данного направления государственной социальной политики.

В основу структуры диссертационного исследования был положен проблемно-хронологический метод. Использование метода позволило выделить внутри темы исследования ряд более узких проблем: становление лечебно-медицинской помощи женщинам и детям в 1920-х гг., ее развитие до конца 1930-х гг., создание и развитие системы дошкольных учреждений, формирования и функционирования учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей.

С помощью историко-генетического метода выделены этапы формирования государственной политики и ее реализации, выявлены причинно-следственные связи мероприятий в отношении женщин и детей с общей политической и экономической ситуацией в государстве, общее и особенное в их проведении на каждом из этапов.

Историко-системный метод способствовал рассмотрению государственной социальной политики в отношении женщин и детей как цельной системы взаимосвязанных мероприятий, зависящей от изменений в политической и экономической сфере.

Использование историко-сравнительного метода позволило осуществить сравнительный анализ реализации государственной социальной политики в отношении женщин и детей в общегосударственном и региональном масштабе, сельской и городской местности, регионах с преимущественным проживанием русских с регионами, в которых преобладало коренное сибирское население. Историко-сравнительный метод дал возможность сравнить изменение количественных и качественных характеристик системы учреждений охраны материнства и детства в течение изучаемого периода.

Использование количественного метода позволило выявить, подсчитать, обобщить и проанализировать статистические сведения, проследить динамику количественных показателей системы учреждений охраны материнства и детства, в частности, изменения количества консультаций, поликлиник, больниц, роддомов, детских садов, детских домов и других учреждений, что дало возможность определить процент охвата данными учреждениями женщин и детей.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Научная новизна определяется отсутствием в отечественной и зарубежной историографии фундаментальных трудов по истории реализации социальной политики в области охраны материнства и детства на территории Восточной Сибири в обозначенных хронологических рамках. До настоящего момента специальных исследований, посвященных изучению данного вопроса в таком региональном аспекте, не предпринималось. Работа является фактически первым комплексным научным анализом истории осуществления мероприятий по оказанию медицинской помощи женскому и детскому населению, созданию оптимальных условий для воспитания детей в Восточно-Сибирском регионе в 1920–1930-е гг. на основе широкого круга источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

2. Личный вклад соискателя заключается в том, что выявлены и проанализированы важнейшие элементы процесса становления и развития системы охраны материнства и детства в Восточной Сибири: создание сети детских и женских медицинских учреждений, разработка и внедрение медицинских технологий, формирование медицинской интеллигенции, общественное воспитание детей дошкольного возраста и оставшихся без попечения родителей, развитие материально-технической базы. Автором в масштабах региона доказано усложнение внутренней дифференциации системы охраны материнства и детства, определены факторы, влияющие на деятельность учреждений различных типов, установлено изменение их функциональной направленности в течение всего изучаемого периода.

3. В исследовании был систематизирован и проанализирован статистический материал, показывающий изменение количества учреждений охраны материнства и детства в пределах Восточно-Сибирского региона в течение 20–30-х гг. XX в. В диссертации представлены новые научные результаты в сфере изменения охвата женского и детского населения созданными учреждениями, полученные посредством соотнесения количественных показателей динамики становления и развития учреждений и демографических данных. Научная новизна состоит в выявлении того, что количественный рост системы охраны материнства и детства не

являлся показателем масштабного привлечения женщин и детей в учреждения.

4. Новым является использование в диссертации в качестве дополнительного показателя эффективности охраны материнства и детства данных об изменении рождаемости и младенческой смертности на территории Восточно-Сибирского региона. На основе анализа статистических сведений автором обосновывается вывод, что количественный рост учреждений охраны материнства и детства не привел к существенному снижению уровня младенческой смертности.

5. Научная новизна определяется тем, что в результате проведенного сравнительного анализа эффективности реализации государственных мероприятий в городских и сельских населенных пунктах выявлено более интенсивное развитие системы охраны материнства и детства в городах. В то же время преобладание сельского населения в социальной структуре общества делало малодоступными медицинскую помощь и дошкольное воспитание для значительного большинства женщин и детей Восточной Сибири.

6. К новым результатам исследования можно отнести то, что с помощью историко-сравнительного метода показаны отличия в ходе реализации мер по охране материнства и детства в районах Восточной Сибири с преобладанием русского населения и в районах с наибольшей численностью представителей других национальностей; определены различные формы и особенности распространения новой модели охраны материнства и детства, выявлены факторы, влияющие на эффективность ее реализации, доказан гибкий характер реализации мер государственной политики с учетом национальных особенностей.

7. Новым является вывод о том, что при положительной динамике ресурсного обеспечения в 1920–1930-е гг. функционирование созданной системы охраны материнства и детства в Восточно-Сибирском регионе происходило в условиях устойчивого финансового, материального и кадрового дефицита. Увеличение количественных показателей системы охраны материнства и детства не привело к положительным изменениям качества оказываемых услуг ввиду форсированного характера и ограниченности государственных ресурсов.

8. Новым результатом является вывод о том, что государственные меры, направленные на формирование системы учреждений охраны

материнства и детства отставали от потребностей населения Восточной Сибири в 1920–1930-е гг.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В российской и зарубежной историографии, вышедшей в свет в разные исторические периоды, тема, по которой нами проведено исследование, нашла отражение в той или иной мере. В первую очередь это касается таких общеисторических вопросов, как содержание социальной политики Советского государства в отношении материнства и детства в 1920–1930-е гг. В частности, в трудах историков выявлено и охарактеризовано нормативно-правовое регулирование данной сферы, отражены организационные формы, введены в научный оборот статистические сведения, характеризующие становление системы институциональной поддержки материнства и детства, рассмотрены отдельные направления этой деятельности, такие как лечебно-профилактическая помощь женскому и детскому населению, система дошкольного воспитания, мероприятия в отношении детской беспризорности в стране. Научные подходы авторов к теме исследования на различных этапах являются солидной базой при разработке теоретических основ темы. В то же время глубокое изучение научных публикаций показало, что авторы обошли своим вниманием отдельные направления государственной социальной политики в отношении материнства и детства в стране в целом и в регионах, в частности. История реализации политики партии и правительства в отношении охраны материнства и детства в Восточной Сибири до сих пор не была предметом самостоятельного комплексного изучения ученых.

2. Реконструкция исторической картины реализации мероприятий по охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. была осуществлена на основе исследования комплекса разноплановых источников, в первую очередь письменных (законодательно-нормативных материалов и нормативно-правовых документов, делопроизводственной документации; статистических материалов; периодической печати; источников личного происхождения) и устных источников.

3. В период с 1917 г. по 1939 г. произошло становление и развитие организационно-правовых основ государственной социальной политики. Одной из составляющих этой политики стала охрана

материнства и детства, ключевой характеристикой которой был ее государственный характер, выразившийся в централизации управления, планирования и финансирования. Цели, задачи и содержание деятельности по охране материнства и детства определяло государство. Социальная политика в отношении материнства и детства в 1920–1930-е гг. была одним из приоритетных направлений внутренней политики государства, являлась отражением проводимых в государстве политических и экономических преобразований. В регионах мероприятия в отношении женщин и детей осуществлялись в рамках общегосударственной социальной политики с учетом региональной специфики.

4. Государственная политика охраны материнства и детства на всех этапах ее становления и развития базировалась на принятых нормативно-правовых актах. В них были отражены основные задачи, которое ставило перед собой государство в определенные периоды, приоритетные направления, определены конкретные мероприятия. В период военного коммунизма нормативные акты принимались в условиях чрезвычайных ситуаций и необходимости спасения детского и женского населения. В годы НЭПа документы были направлены уже непосредственно на создание системы учреждений оказания медицинской помощи женщинам и детям, дошкольного воспитания и организации жизни детей, оставшихся без попечения родителей. Нормативные акты 1930-х гг. определили дальнейший количественный рост системы учреждений охраны материнства и детства, усиление внимания к качественным характеристикам их деятельности.

5. В период НЭПа начала формироваться система квалифицированной медицинской акушерско-гинекологической помощи, шел поиск оптимальных организационных форм, соответствующих особенностям Восточно-Сибирского региона. Наблюдалась положительная динамика количества медицинских учреждений, уровня обеспеченности населения медицинскими кадрами. Развитие сети лечебно-профилактических учреждений происходило более интенсивно в городских поселениях, чем в сельских. В течение 1920-х гг. число созданных учреждений охраны здоровья женщин не соответствовало потребностям населения Восточно-Сибирского региона.

6. В 1920-е гг. в Восточной Сибири происходил процесс становления системы медицинских учреждений, специализирующихся на оказании медицинской помощи детям. Впервые государство сконцентрировало усилия на сохранении и улучшении здоровья всех детей, независимо от социальной принадлежности и материальной обеспеченности. В этот период появились и стали получать распространение новые виды медицинской помощи детям. Созданию своевременной, доступной и высококвалифицированной медицинской помощи детям в регионе в это время препятствовали дефицит квалифицированных кадров и недостаток материальных средств. Особенно остро эти проблемы ощущались в сельских и национальных районах Восточной Сибири.

7. В течение 1930-х гг. на территории Восточной Сибири продолжался процесс становления медицинской помощи женскому населению. Развитие системы охраны женского здоровья осуществлялось в рамках пятилетнего планирования всего народного хозяйства в СССР. Отличительными особенностями этого периода стало продолжение институционализации государственной социальной политики в сфере охраны здоровья женщин, более масштабный характер роста учреждений здравоохранения, модернизация медицинской практики. Создание и распространение новых организационных форм в сфере охраны женского здоровья привело к сокращению диспропорции между сельской и городской местностями в практике оказания медицинской помощи.

8. В 1930-е гг. произошел резкий рост числа учреждений охраны здоровья детей, изменилась их функциональная направленность. Оказание медицинской помощи было направлено на повышение качества жизни детского населения посредством активной санитарно-профилактической работы, диспансеризации, специализации в лечении отдельных видов заболеваний, снижения общей заболеваемости детей. Процесс урбанизации, приведший к резкому росту городского населения, препятствовал в удовлетворении сформированной к этому времени потребности в получении полномасштабной медицинской помощи. В Восточной Сибири темпы создания детских учреждений отставали от темпов роста населения.

9. Организация сети дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири в 1920-х гг. была отражением

общегосударственной социальной политики в отношении детей. Особенностью этого процесса было то, что в регионе отсутствовал опыт деятельности дошкольных учреждений в досоветский период. Состояние организационно-правового оформления, первоначального становления системы дошкольного воспитания в 1920-х гг. привело к нестабильности количественных показателей. Дошкольными учреждениями не была охвачена значительная часть детского населения. Большинство постоянно работающих учреждений дошкольного воспитания было открыто в административных центрах, и они были недоступны населению сельской местности. Мероприятия по созданию и развитию системы дошкольных учреждений в Восточной Сибири были малоэффективны в силу дефицита материальных и финансовых ресурсов, недостаточного количества персонала, нарушения санитарных требований, особых климатических условий региона. На их деятельность также влияли удаленность национальных регионов от центра, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, языковой барьер.

10. В период индустриализации и коллективизации дошкольные учреждения становились одним из важнейших инструментов роста женской трудовой занятости. На всей территории Восточной Сибири отмечалось существенное расширение системы дошкольного воспитания. В первую очередь это было свойственно учреждениям периодических форм работы, что было связано с меньшими ресурсными потребностями при их создании, особенностями быта и хозяйствования населения сельской местности. Динамика количественных показателей постоянно работающих дошкольных учреждений также носила положительный характер, однако их количество было значительно меньшим. Более медленными темпами проходило развитие дошкольных учреждений в национальных регионах Восточной Сибири. Основные тенденции развития системы дошкольного воспитания в Восточной Сибири определялись специфическими социально-экономическими особенностями региона и выражались в замедленных, по сравнению с европейской частью РСФСР, темпах развития сети дошкольных учреждений, слабости материально-технической базы, кадрового и методического обеспечения, преобладании краткосрочных форм подготовки кадров.

11. В 1920-е гг. на территории Восточной Сибири впервые была создана система государственных учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей. Наибольшая численность этих детей отмечалась в Енисейской и Иркутской губерниях. Наименьшее количество детских учреждений и воспитанников в них наблюдалось в национальных регионах Восточной Сибири. Основная часть детей в них были представителями русской национальности, что было обусловлено национальными традициями семейного воспитания детей у коренных народов Сибири. Эффективному осуществлению социализации воспитанников в этих учреждениях препятствовали те же проблемы, которые были свойственны всей системе охраны материнства и детства в Восточной Сибири.

12. На положение советских детей в 1930-е гг. серьезное влияние оказывала внутренняя политика государства. Форсированная индустриализация, коллективизация и раскулачивание, массовые репрессии порождали новые волны детской беспризорности, которая оставалась одной из трудноразрешимых социальных проблем. Произошел переход от форм общинного или внутривидового воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, преобладавших прежде, к передаче детей без родителей под государственный патронат и помещение их в детские дома, коммуны и колонии. На территории Восточной Сибири в этот период сохранялись высокие количественные показатели контингента детских учреждений. Механизмы, позволяющие осуществлять профилактическую деятельность по предупреждению детской беспризорности, не были созданы, отсутствовала система социально-психологической поддержки семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Теоретическая значимость диссертации заключается в возможности использования полученных научных результатов для преодоления стереотипного восприятия социальной политики СССР в отношении материнства и детства в 1920–1930-е гг. и формирования к ней многостороннего отношения.

Аналитический и фактический материал диссертационного исследования может быть использован как основа для продолжения научного исследования проблемы реализации социальной политики в Восточно-Сибирском регионе, в частности, осуществления

компаративистского исследования социальной политики в отношении женщин и детей и иных социальных групп на других этапах развития государства и общества.

Практическая значимость. Результаты исследования могут применяться при разработке нормативно-правовой базы современной социальной политики в отношении женщин и детей с учетом позитивного и негативного опыта предыдущего исторического периода.

Накопленный в течение изучаемого периода уникальный опыт социальной политики в отношении материнства и детства может быть использован в современных условиях при разработке федеральных, региональных и муниципальных программ, концепций и стратегий развития, что может способствовать совершенствованию как государственной социальной политики в целом, так и ее отдельных направлений.

Материалы диссертации могут быть востребованы при создании научных работ по региональной истории советского периода, социальной истории Восточной Сибири, историческому краеведению, истории социальной работы. Результаты научно-исследовательской работы могут быть применены в преподавании учебных курсов по социальной истории, истории социальной работы, истории советского периода, а также написания по ним учебных и учебно-методических пособий.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов обеспечивается использованием общих и специальных методов исторического исследования, изучением и применением работ российских и зарубежных ученых. Положения, выносимые на защиту, основываются на всестороннем анализе широкого спектра источников.

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 45 научных работ общим объемом 41,42 п. л., из них 19 публикаций в изданиях из рекомендованного списка ВАК. География рецензируемых журналов представлена научными изданиями академических центров и высших образовательных учреждений в Иркутске, Чите, Казани, Тамбове, Кемерово, Красноярске,

Владивостоке, Братске. По теме диссертации опубликовано две монографии.

Результаты исследования были представлены автором на научных, научно-практических международных и всероссийских конференциях: «Гуманитарные исследования в Сибири в контексте российских перемен» (г. Братск, 2006 г.), «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность» (г. Иркутск, 2007, 2010 гг.), «Теория и практика современной науки» (г. Москва, 2012, 2013 гг.), «Байкальские международные социально-гуманитарные чтения» (Иркутск, 2012, 2014 гг.), «Научные историко-экономические чтения памяти профессора В. Н. Шерстобоева» (Иркутск, 2009, 2012–2014 гг.), «Транспортная инфраструктура Сибирского региона» (Иркутск, 2016 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, состоящих из 12 параграфов, заключения, приложений, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обоснованы актуальность, научная новизна, определены цель, задачи, предмет и объект исследования, указаны хронологические и территориальные рамки, охарактеризованы методологические принципы и методы исследования, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Историографические и источниковедческие аспекты исследования» состоит из двух параграфов. **В первом параграфе «Историография проблемы»** рассматривается степень изученности темы, определяется ее место в исторической науке.

Первые работы, посвященные изучению охраны материнства и детства, не носили характера исторического исследования. Авторы участвовали в разработке и реализации государственной политики охраны материнства и детства, возглавляли государственные и партийные органы. Немало работ создано государственными и партийными деятелями. Среди них можно выделить работы Н. К. Крупской, А. Коллонтай, Н. А. Семашко, В. П. Лебедевой и др.

Особый интерес для нашего исследования представляют работы, касающиеся реализации социальной политики в отношении материнства и детства в Сибири. Среди них труды Е. П. Елкиной и Е.

Г. Гутиной, С. И. Шапкайца, А. А. Кочаргина, Н. Ф. Сергеева, М. К. Расцветаева, З. А. Устьянцевой. При изучении реализации государственной политики в отношении материнства и детства в Восточной Сибири авторы ограничивались изучением отдельных аспектов охраны материнства и детства, описывали осуществление мероприятий государства только в отдельно взятых районах Восточной Сибири.

В послевоенный период были предприняты первые попытки осмысления реализации отдельных элементов социальной политики в отношении материнства и детства 1920–1930-х гг. Авторы пытались подвести итоги мероприятий по охране материнства и детства за двадцатилетний период, показать все достижения советской власти в этом направлении государственной социальной политики. Среди работ этого периода стоит отметить исследования О. П. Ногиной, Э. М. Конюс, М. Ф. Леви.

Ценной является работа Г. Башарина, в которой некоторое внимание уделено развитию здравоохранения в Якутской АССР в 1920–1930-х гг. Автор, исследуя широкий спектр проблем, затрагивает становление и развитие системы лечебно-профилактической помощи женщинам и детям.

«Оттепель» в советской исторической науке во второй половине 1950-х – 1960-х гг. позволила расширить проблемное поле исторических исследований, несколько отойти от доминанты историко-партийного направления. Появились фундаментальные исследования, посвященные истории медицины, в которых уделено внимание становлению акушерско-гинекологической и педиатрической помощи. Необходимо отметить работы Е. Д. Ашурковой, М. И. Барсукова, Н. Н. Новиковой, Д. В. Гофрина. Наибольший интерес представляют региональные исследования М. А. Дианова, К. И. Журавлевой, Д. Б. Батоева, П. Е. Кулаковского.

В течение 1970-х – первой половине 1980-х гг. продолжается развитие региональных исторических исследований. Внимание ученых (Н. Е. Орехова, В. Ф. Музязев, С. Я. Чикин, А. В. Сергеев, К. И. Акулов) привлекают вопросы развития системы здравоохранения Восточной Сибири в 1920–1930-х гг.

В рамках историографии периода перестройки появились специальные исторические исследования, посвященные ранее не

затронутым или слабо изученным в исторической науке проблемам охраны материнства и детства. В частности, были опубликованы труды, посвященные совмещению женщиной производственных, общественных функций и роли матери и жены, организационно-правовым формам государственной политики в отношении материнства и детства.

В течение 1990–2000-х гг. были написаны работы М. П. Аракеловой и Н. В. Рябининой по государственной политике в отношении женщин и детей. Среди региональных исследований данного периода заслуживают внимания работы Д. Б. и С. Д. Батоевых, В. В. Номогоевой, А. Б. Бубеева, Э. Э. Цыренжаповой, З. Б. Лопсоновой, Е. В. Банзаракцаевой, В. Ю. Башкуева, С. С. Цыпиловой, Е. Л. Бадмацыреновой, в которых представлены результаты изучения отдельных аспектов охраны материнства и детства в Бурятии. Осуществление охраны материнства и детства в Енисейской губернии затронуто в работах И. И. Крылова, И. В. Орловой. В последние десятилетия появляются работы, касающиеся истории отдельных направлений социальной политики (З. Ю. Доржу, А. С. Ковалев).

Среди зарубежных работ, в которых рассматриваются проблемы социальной политики в отношении материнства и детства 1920–1930-х гг., стоит отметить исследования Э. В. Филда, Ф. В. Хэлли и М. М. Грина. Трансформация материнства в России в период 1917–1937 гг. стала предметом изучения Е. Ватерса. Весомый вклад в изучение повседневной жизни 1930-х гг. внесла американский исследователь Ш. Фицпатрик.

Анализ российской и зарубежной историографии государственной политики в отношении материнства и детства 1920–1930-х гг. позволяет сделать вывод о том, что учеными был рассмотрен широкий круг вопросов. Однако мероприятия, проводимые с целью охраны материнства и детства в восточносибирских городах и селах, не стали предметом самостоятельного комплексного изучения современных ученых, что позволило нам избрать в качестве предмета изучения реализацию государственной социальной политики в отношении материнства и детства 1920–1930-х гг. в Восточной Сибири.

Второй параграф «Источниковый анализ» раскрывает комплекс источников, составивших основу исследования. Используются

письменные источники, которые можно разделить на пять видов: 1) законодательно-нормативные материалы и нормативно-правовые документы; 2) делопроизводственная документация; 3) статистические материалы; 4) материалы периодической печати; 5) источники личного происхождения.

К первому виду отнесены законодательно-нормативные материалы и нормативно-правовые документы РСФСР и СССР, принятые центральными органами государственного управления в 1920–1930 гг. в рамках реализации государственной социальной политики в отношении материнства и детства: по вопросам создания системы медицинской помощи женщинам и детям, организации системы дошкольных учреждений, борьбы с детской беспризорностью и др. Эти документы в основном сосредоточены в сборниках – «Декреты Советской власти», «Собрание узаконений РСФСР», «Ленинские декреты по здравоохранению», «Здравоохранение в годы восстановления и социальной реконструкции народного хозяйства СССР. 1925–1940 гг.», а также в фондах Государственного архива Российской Федерации.

Вторым видом источников, ставшим основой источниковой базы диссертационного исследования, являются делопроизводственные документы государственных и общественных учреждений и организаций. Комплексное использование опубликованных и неопубликованных материалов способствовало формированию объективной картины разработки и реализации охраны материнства и детства.

Пристальному вниманию подверглась организационная документация, представленная положениями различных учреждений охраны материнства и детства. Изучение «Положения об Отделе родовспоможения Наркомздрава СССР» от 12 декабря 1938 г. позволило понять функции и структуру данного отдела. «Положение о комиссии по родовспоможению» от 27 октября 1938 г. показывает усиление внимания государства к качественным параметрам деятельности государственных учреждений акушерско-гинекологической помощи. Анализ «Положения о сельском фельдшерском и фельдшерско-акушерском пункте», «Положения об акушерском пункте», «Положения о колхозном родильном доме»

позволил понять специфику организации и оказания акушерско-гинекологической помощи в сельской местности.

Особое значение в исследовании имеет распорядительная документация. Среди опубликованных делопроизводственных материалов следует отметить Приказы по Народному комиссариату здравоохранения СССР «Об улучшении работы женских консультаций и родильных домов в городах и промышленных центрах», «Об улучшении работы консультаций для женщин», «Инструкция по обезболиванию родов».

Малоизученность темы исследования предопределила преобладающее значение архивных материалов. В работе использованы делопроизводственные источники центральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива новейшей истории Иркутской области, Государственного архива Красноярского края, Национального архива Республики Саха (Якутия), ГБУ «Государственный архив Республики Бурятия», ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив», Государственного архива Забайкальского края.

Автором использован значительный объем делопроизводственной информации Государственного архива Российской Федерации, которая содержится в фондах А413 (Министерство социального обеспечения РСФСР), А482 (Министерство здравоохранения РСФСР), 2306 (Министерство просвещения РСФСР), р5207 (Комиссия по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете), 8009 (Министерство здравоохранения СССР).

Высокой информативностью обладают материалы региональных архивов. В Фондах отделов здравоохранения преобладает отчетная документация – докладные записки, отчеты о работе, статистические отчеты. Источники информируют о количественных изменениях учреждений охраны материнства и детства, процессе их создания и развития, особенностях распространения медицинской помощи женщинам и детям, проблемных моментах.

Значительный объем делопроизводственной информации отложился в фондах отделов образования. Изучение организационных документов способствовало формированию представления о

правовом статусе учреждений охраны детства. Распорядительная документация преимущественно представлена инструкциями, циркулярами, распоряжениями. В фондах отложились циркуляры и инструкции региональных отделов народного образования, которые раскрывают вопросы финансирования детских учреждений, улучшения снабжения продовольствием и одеждой детей, пребывающих в детских домах, яслях, садах, лагерях, организации новых детских учреждений, повышения заработной платы кадровому составу. Протоколы заседаний педагогических советов детских учреждений, конференций работников детских домов и детских садов позволяют увидеть специфику учебно-воспитательной работы, проблемы, с которыми сталкивались работники, особенности их материального положения, качество жизни.

Информативной является отчетная документация отделов народного образования: о деятельности детских домов и детских садов, акты обследования, которые содержат сведения о численности и социальном составе детей, направлениях учебно-воспитательной работы, материальном и санитарном состоянии детских учреждений.

В фондах руководящих органов социального обеспечения содержатся сведения о деятельности учреждений для детей с ограниченными возможностями, которые позволяют воссоздать картину организации жизненного пространства в детских домах для детей-инвалидов, особенности материально-технического, финансового, кадрового положения данных учреждений.

Высокой репрезентативностью обладают документы комиссий по улучшению жизни детей, в которых содержатся докладные записки о состоянии патронирования в различных районах, о проверке условий жизни выпускников детских учреждений, трудоустроенных на производство, профилактических мероприятиях в деле борьбы с детской беспризорностью.

Важное значение для изучения того, как осуществлялась охрана материнства и детства, имели материалы Комиссий по улучшению труда и быта женщин, которые отражают основные направления деятельности Комиссий: охрана материнства и младенчества, улучшение медицинского обслуживания, создание дошкольных и общественно-бытовых учреждений. местного населения в новых,

отсутствовавших прежде, учреждениях, позитивного отношения к новым явлениям бытовой культуры.

Документы региональных профессиональных союзов показывают численность, состав и квалифицированность работников детских учреждений, уровень их образования, распределение функциональных обязанностей, распорядок дня, несвоевременность выплаты заработной платы.

Протоколы заседаний комсомольских организаций содержат сведения о создании и развитии детского движения, об участии пионерских отрядов в жизни патронируемых детей, организации «Недели детского движения», характеристики старших пионервожатых детских домов.

Важное место в источниковой базе исследования занимают статистические материалы, представляющие третий вид источников. В процессе исследовательской работы были использованы материалы статистики: демографические сведения и данные об учреждениях охраны материнства и детства.

Демографическая информация представлена в сборниках, опубликованных в результате переписей населения 1926 г., 1939 г., а также тематических сборниках, посвященных женскому и детскому населению. Представленные в них статистические сведения позволили охарактеризовать социальный состав материнства, данные о среднем возрасте деторождения, количестве детей, рожденных одной матерью.

Нами использованы статистические материалы о развитии народного хозяйства СССР, которые также содержат сведения о народонаселении. Важными для изучения темы исследования стали данные о количестве дошкольных учреждений, детских домов, женских и детских консультаций, роддомов, поликлиник, больниц, кадровой обеспеченности данных учреждений, анализ которых позволил рассмотреть количественное изменение сети учреждений охраны материнства и детства, сопоставить темпы и масштабы создания и развития в регионе Восточной Сибири с общегосударственными.

Также использована статистическая информация по здравоохранению: сведения о количестве учреждений охраны материнства и детства, в частности родильных домов, родильных

коек в больницах, женских и детских консультаций, поликлиник, яслей, а также их кадровой и материально-технической обеспеченности.

Особое место среди статистической информации занимают данные, посвященные развитию образования: сведения о количестве детских садов, детдомов, учреждений охраны детства, кадровом составе этих учреждений, как по отдельным губерниям, так и в общегосударственном масштабе.

Статистические материалы дополняют документы фонда Центрального статистического управления при Совете Министров СССР Российского государственного архива экономики. Изучение материалов отделов статистики здравоохранения и демографии позволило выявить количественные изменения учреждений охраны материнства и детства: женских и детских консультаций, роддомов, молочных кухонь, домов матери и ребенка, яслей, а также проанализировать кадровый состав этих учреждений как один из ресурсов эффективности их деятельности.

В фондах Министерства просвещения РСФСР и Министерства социального обеспечения РСФСР Государственного архива Российской Федерации изучены статистические сведения о сети учреждений охраны детства, численности в них персонала и детей, статистические отчеты детских домов для детей с ограниченными возможностями.

Четвертый вид источников составили материалы периодической печати рассматриваемого периода. В публикациях общесоюзных и региональных журналов и газет отражено настроение, психологический настрой данной эпохи. Многие авторы являлись непосредственными участниками событий и процессов. Эти издания влияли на формирование общественного мнения по вопросам осуществления охраны материнства и детства. Нами изучены статьи журналов «Охрана материнства и младенчества», «Материнство и младенчество», «Вопросы материнства и младенчества», «Вопросы педиатрии и охраны материнства и детства», «Охрана здоровья детей и подростков», «Медицинский журнал», «Народное просвещение».

В процессе научного исследования были использованы региональные издания: «Известия Сибкрайкома ВКП(б)», «Советская медицина Восточной Сибири», «Сибирский медицинский журнал»,

«Медицинский журнал Забайкальского общества врачей». В статьях данных печатных изданий отражены процессы создания системы акушерско-гинекологической и педиатрической помощи на территории Восточной Сибири в изучаемый период.

Информационные и аналитические материалы, отражающие процесс создания системы дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири, борьбу с детской беспризорностью, деятельность детских домов содержатся в региональных педагогических изданиях: «Просвещение Сибири», «Просвещение Бурятии», «Жизнь Бурятии», «Жизнь Сибири».

Важной составной частью корпуса источников являются центральные и региональные газеты, которые были одним из основных инструментов формирования общественного мнения. Среди них – «Правда», «Известия», «Учительская газета», «Советская Сибирь», «Восточно-Сибирская правда», «Якутия», «Бурят-Монгольская правда» и др., в которых содержалась хроника происходящих событий и их интерпретация, опубликованы нормативно-правовые акты, письма граждан, проводилась агитация политических идей, популяризация лозунгов, что было проанализировано в ходе исследования темы.

Пятый вид составляют источники личного происхождения, среди которых можно выделить автобиографические описания и письма. В работе А. Г. Коревановой «Моя жизнь» представлены подробные рассказы о работе этой советской женщины в детском доме. Изучение содержащихся в альманахе «История Байкальской Сибири в воспоминаниях и устных рассказах» материалов позволило соотнести индивидуальный человеческий опыт с более широкими историческими процессами, а именно определить степень влияния реализации государственной политики охраны материнства и детства на повседневность женщин и детей Восточной Сибири.

Нами изучены и такие источники личного происхождения, как письма во власть, что позволило сделать историю более живой и многогранной.

Помимо письменных источников, нами были использованы устные источники, к которым относятся биографические рассказы и устные воспоминания жителей Прибайкалья, содержащиеся в Архиве устной истории кафедры истории и методики Педагогического

института Иркутского государственного университета. Их использование помогло понять, как протекало материнство и детство в довоенное время, оценить степень влияния государственной политики охраны материнства и детства на повседневную жизнь женщин и детей в отдаленных регионах Восточной Сибири.

Также при работе над темой был использован такой вид источников, опубликованных в настоящее время, как портретные фотографии, которые, являясь точной репродукцией действительности, позволили визуализировать исследуемый период: они отражают внешний вид работников учреждений охраны материнства и детства, их эмоциональное состояние.

Таким образом, в основу проведенного исследования была положена репрезентативная источниковая база, которая позволила изучить мероприятия охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг.: создание и развитие системы детской и женской медицинской помощи, учреждений для детей дошкольного возраста и оставшихся без попечения родителей. Большинство использованных источников является ранее малоизученными или впервые введенными в научный оборот. Использование исторических источников различных видов в совокупности позволило объективно реконструировать историческую картину охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг.

Вторая глава «Создание и эволюция организационно-правовых основ охраны материнства и детства в РСФСР-СССР (1917–1930-е гг.)» содержит два параграфа. В **первом параграфе «Формирование государственной системы охраны материнства и детства»** рассматривается процесс создания в РСФСР-СССР системы государственного управления в области охраны материнства и детства, освещается оформление и закрепление полномочий за органами государственного управления.

Функции по формированию и реализации мер по охране материнства и детства как одного из направлений социальной политики были возложены на государственные органы, ведающие сферами здравоохранения, просвещения и социального обеспечения.

Оформление и закрепление полномочий по охране материнства и детства не носило характера одномоментного принятия политического решения. Становление нового государственного

аппарата в послереволюционный период характеризовалось длительным процессом разграничения полномочий по охране материнства и детства.

В начальный период формирования советской системы государственного управления функции охраны материнства и детства были закреплены за созданным в ноябре 1917 г. Наркоматом государственного призрения. Декретом СНК РСФСР от 30 апреля 1918 г. он был переименован в Наркомат социального обеспечения. Реализация охраны материнства и детства была распределена между несколькими отделами: охраны материнства и младенчества, несовершеннолетних и детских приютов.

Важная роль принадлежала Народному комиссариату просвещения, которому постепенно передавались полномочия в сфере охраны материнства и детства. Так, 30 мая 1918 г. декретом СНК «О передаче в ведение Народного комиссариата просвещения всех учебных заведений» все учебные заведения и учреждения дошкольного образования перешли под контроль Наркомпроса. Охрана детей была отнесена к полномочиям Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей.

Определенный объем полномочий по охране материнства и детства был закреплен за органами государственного управления в сфере здравоохранения. Так, 11 июля 1918 г. декретом СНК РСФСР был создан Народный комиссариат здравоохранения, в ведение которого были отнесены все медико-санитарные учреждения. В Наркомздраве охрана материнства и детства была передана отделу охраны материнства и младенчества и отделу охраны здоровья детей и подростков.

Ключевую роль в осуществлении охраны материнства и детства играло созданное в 1927 г. санитарно-профилактическое управление Наркомздрава. На него были возложены следующие функции: организация учреждений по охране материнства и младенчества, руководство работой научных и показательных (образцовых) учреждений охраны материнства и младенчества, охрана здоровья детей и подростков, разработка мероприятий по борьбе с детской смертностью, отказом от детей, социально-правовой охране матери и ребенка, Предусматривалась также совместная деятельность с Народным комиссариатом просвещения по сокращению детской

беспризорности, воспитанию детей с ограниченными возможностями здоровья, социально-правовой охране несовершеннолетних.

Важную роль играли межведомственные органы. В частности, Совет защиты детей, Комиссия по улучшению жизни детей и борьбе с детской беспризорностью при Президиуме ВЦИК, Детская социальная инспекция.

В течение 1930-х гг. полномочия охраны материнства и детства оставались в ведении Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата здравоохранения, однако в них происходили внутренние структурные изменения. Так, постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 19 сентября 1933 г. «О реорганизации Наркомпроса РСФСР» в структуре комиссариата были изменены управления и отделы, а полномочия по охране материнства и детства были возложены на дошкольный отдел и отдел детских домов.

Постановлением СНК СССР от 3 октября 1938 г. № 1057 «О положении и структуре Народного комиссариата здравоохранения СССР» был закреплён ряд полномочий в отношении женщин и детей. В сфере охраны материнства предусматривалась организация акушерско-гинекологической помощи, управление учреждениями женской лечебно-профилактической помощи, реализация запрещения аборт. В области охраны здоровья детей на комиссариат была возложена ответственность за руководство детскими санаториями, медицинскими учреждениями, яслями, домами младенца, молочными кухнями. Комиссариат контролировал медицинское обслуживание детей в образовательных и дошкольных учреждениях, детских домах, пионерских лагерях. Для реализации этих полномочий в структуре Наркомздрава создавались отделы родовспоможения и лечебно-профилактической помощи детям. Отдел родовспоможения делился на секторы городских роддомов, сельских роддомов и женских консультаций; отдел лечебно-профилактической помощи детям – на секторы городских яслей и домов младенца, яслей и лечебно-профилактических учреждений в сельских местностях, городских детских больниц и поликлиник, медицинского обслуживания школьных и дошкольных учреждений, детских консультаций и молочных кухонь.

В целом, в период с 1917 г. по конец 1930-х гг. государство на официальном уровне взяло на себя всю полноту ответственности за

разработку и реализацию социальной политики по охране материнства и детства, возложив ее преимущественно на органы социального обеспечения в начальный период своего существования и органы здравоохранения и образования в последующем. Систему государственных органов в сфере здравоохранения и образования дополняли органы, деятельность которых была направлена на реализацию конкретных функций, выходящих за пределы политики в сфере здравоохранения или образования, в частности, обеспечение детей необходимыми для выживания продуктами питания, сокращение детской беспризорности, реализация мероприятий социальной политики на удаленных от центра территориях с преобладанием коренного населения. Однако механизм межведомственного взаимодействия в системе государственного управления при осуществлении социальной политики охраны материнства и детства окончательно не сформировался. К началу 1940-х гг. сохранялись правовые и организационно-управленческие барьеры по взаимодействию органов государственного управления. В результате разработка и реализация мероприятий по охране материнства и детства государственными органами в сфере здравоохранения и образования нередко была изолирована друг от друга, что негативно сказывалось на эффективности.

Отличительной особенностью этого процесса в исследуемый период стало преобладание в системе управления в сфере охраны материнства и детства органов исполнительной власти, а также низкий уровень участия региональных органов власти в разработке социальной политики.

Во втором параграфе «Трансформация законодательной базы в сфере материнства и детства» рассмотрено формирование нормативно-правовой базы охраны материнства и детства, выделены и охарактеризованы основные этапы.

Особенностью первого этапа формирования системы правовых актов в сфере охраны материнства и детства (с 1917 по 1921 гг.) стало его протекание в условиях послереволюционной ситуации и Гражданской войны. Произошедшая резкая смена всех общественных отношений требовала создания принципиально новой системы правового регулирования. Изменение положения всех социальных групп в обществе, системы распределения общественных благ,

организации трудовых отношений отражалось на положении женщины и ребенка в новом советском обществе.

Первые нормативно-правовые акты по охране материнства были ориентированы на создание правовых гарантий в период беременности и родов для работающих женщин. К ним относятся Декреты «О страховании на случай болезни» и «Положение о социальном обеспечении трудящихся», Кодекс законов о труде 1918 г., Постановление Народного комиссариата труда и Народного комиссариата здравоохранения «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью».

В начале 1920-х гг. было принято несколько нормативных актов, затрагивающих охрану репродуктивного здоровья женщин. Так, 18 ноября 1920 г. было принято Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР «Об охране здоровья женщин», которым вводился запрет на искусственное прерывание беременности вне больницы.

Важное значение имело принятие нормативных актов, направленных на спасение детей и матерей от голода: «Об усилении детского питания», «О бесплатном детском питании», «О распространении декрета «О бесплатном детском питании» на всех детей, не достигших 16-летнего возраста».

В целом, в период «военного коммунизма» произошло формирование правовых основ охраны материнства и детства. Содержание нормативных актов было обусловлено необходимостью принятия чрезвычайных мер, нередко было направлено на удовлетворение первичных жизненных потребностей. Документы отражали процесс натурализации системы социального обеспечения. В суровых реалиях послереволюционного периода заявленные в правовых актах права женщин и детей нередко не совпадали с экономическими возможностями государства.

Реализация мероприятий НЭПа способствовала восстановлению экономики, что позволило несколько изменить содержание социальной политики в СССР. В отсутствие экстремальных условий была осуществлена детализация социальной политики охраны материнства и детства.

В 1920-е гг. было принято несколько нормативных актов, направленных на сокращение детской безпризорности, достигшей

колоссальных масштабов вследствие Гражданской войны, массового обнищания населения, голода, разрушения социальной инфраструктуры: Декрет ВЦИК, СНК СССР «Об утверждении Положения о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью в РСФСР», Постановление СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью», Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке и условиях передачи воспитанников детских домов и других несовершеннолетних трудящимся в городах и рабочих поселках». Также принимались нормативные акты, направленные на открытие дошкольных учреждений и регламентацию их деятельности: Инструкция Народного комиссариата просвещения «Об открытии дошкольных учреждений за счет общественных организаций», «Инструкция по организации вечерних дошкольных групп при клубах от 3-х до 8 лет».

Развитие системы акушерской помощи в сельской местности в конце 1920-х гг. нашло отражение в принятии нормативных актов: Постановления «Об усилении родовспоможения в социалистическом секторе сельского хозяйства» и Постановления «Об организации акушерских пунктов», «Инструкции о работе акушерского пункта».

Осуществление форсированной индустриализации и коллективизации оказало существенное влияние на развитие социальной сферы. В период индустриализации важно было обеспечить женщин, впервые массово привлекаемых на промышленных предприятиях, дошкольными учреждениями, в связи с чем были приняты постановления «Об усилении финансирования яслей и дошкольных учреждений», «Об улучшении ясельного дела», «О ясельном обслуживании детей в городах, промышленных центрах, совхозах, МТС и колхозах».

С принятием Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширение сети роддомов, детских яслей и детских садов, об усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» существенно менялась система управления дошкольными учреждениями.

Улучшению кадрового состава должно было способствовать принятие 29 апреля 1939 г. постановления СНК СССР № 584 «О

повышении заработной платы воспитателям детских садов». В 1938 г. был принят новый Устав детского сада, в котором уточнялись задачи дошкольного учреждения, санитарные требования к организации пребывания детей и состоянию помещений детских учреждений.

Важное значение в охране детского здоровья в это время приобретает профилактическое направление, что подтверждается принятием в 1938 г. положения о работе врача-педиатра в учебно-воспитательных учреждениях.

В течение 1930-х гг. продолжалось формирование правовых основ охраны репродуктивного здоровья женщин, что нашло отражение в принятии «Положения об акушерских пунктах», Постановления Наркомздрава СССР «О дополнительном отпуске средств и материалов на роддома в 1937 г.», «Положения о колхозном родильном доме», «Положения о консультации для женщин», «Положения об акушерском пункте».

В течение 1930-х гг. сохранялась задача сокращения детской беспризорности, для достижения которой государством было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Патронирование было регламентировано Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся».

В целом, в конце 1930-х гг. произошло оформление системы охраны материнства и детства как одного из направлений государственной социальной политики, включающей систему взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание условий для профилактики и лечения заболеваний детского и женского населения, рождения здорового ребенка, воспитания подрастающего поколения.

Третья глава «Становление системы медицинской помощи женщинам и детям в Восточной Сибири в годы НЭПа», состоящая из двух параграфов, характеризует процесс формирования системы лечебно-профилактической помощи женщинам и детям.

В первом параграфе **«Реализация мероприятий по охране здоровья женщин»** рассматривается становление и развитие акушерско-гинекологической помощи на территории Восточной Сибири в 1920-е гг.

Процесс становления и развития системы оказания акушерско-гинекологической помощи на территории Восточной Сибири в 1920-е гг. стал частью и отражением общегосударственного процесса, проходил в рамках установленных в РСФСР-СССР организационно-правовых форм, однако имел свои специфические региональные особенности. Важнейшим достижением стало то, что государство взяло на себя создание и содержание учреждений акушерско-гинекологической помощи.

В течение 1920-х гг. лечебно-профилактическая помощь женскому населению преимущественно оказывалась в медицинских учреждениях общего профиля, в то же время начала формироваться система специализированных учреждений: роддомов, консультаций, передвижных юрт. В Восточной Сибири система здравоохранения была наиболее развита на территории Енисейской губернии. В остальных районах Восточной Сибири самостоятельных роддомов не существовало, акушерская помощь оказывалась в родильных отделениях при больницах.

В Бурятской и Якутской АССР в связи с преимущественно кочевым образом жизни коренного населения была организована передвижная консультационная помощь женщинам в виде красных юрт и консультационных отрядов, которые работали в удаленных от административных центров районах. Использование таких форм оказания медицинской помощи позволило увеличить охват женского населения акушерско-гинекологической помощью, способствовало сохранению и улучшению репродуктивного здоровья.

Развитие акушерско-гинекологической помощи и ее качество во многом определялось кадровым составом, в частности, обеспеченностью персоналом, уровнем квалификации и качеством полученного образования. Самой сложной проблемой являлось недостаточное количество, а нередко и полное отсутствие, медицинского персонала, в том числе специалистов отдельных видов медицинской помощи, что наблюдалось практически по всей территории Сибири. Для преодоления кадрового дефицита на территории Восточной Сибири были открыты фельдшерско-акушерские школы, в которых было начато формирование женского состава медицинского персонала, а на территории БМАССР и ЯАССР – национальных медицинских кадров.

Анализ институциональной трансформации акушерско-гинекологической помощи на территории Восточной Сибири в 1920-х гг. показал положительную динамику показателей ресурсного обеспечения, в частности, количества медицинских учреждений, уровня обеспеченности населения медицинскими кадрами, коечным фондом. Впервые у женщин Восточной Сибири появилась возможность получения квалифицированной медицинской акушерско-гинекологической помощи, что привело к существенному снижению женской смертности при родах и младенческой смертности. Однако проводимые в РСФСР-СССР мероприятия по созданию системы оказания акушерско-гинекологической помощи не удовлетворяли в полной степени потребностей населения региона, отставали от темпов его роста. Недостаточное внимание уделялось вопросам планирования семьи, организации профилактической помощи, охране репродуктивного здоровья женщины.

Во **втором параграфе «Осуществление медицинской помощи детям»** исследован процесс становления системы медицинских учреждений, специализирующихся на оказании медицинской помощи детям. Ввиду того, что в РСФСР-СССР государство впервые сконцентрировало усилия на сохранении и улучшении здоровья всех детей, вне зависимости от социальной принадлежности и материальной обеспеченности, лечебная и профилактическая работа стала носить массовый характер. В течение 1920-х гг. на территории Восточной Сибири была создана система учреждений охраны здоровья детей различного организационно-правового статуса, произошли коренные структурно-функциональные преобразования осуществления медицинской помощи детскому населению. В состав системы учреждений медицинской помощи детям вошли детские амбулатории, больницы, консультации, молочные кухни, санитарные лагеря.

Отличительной чертой этого периода стало то, что во многих районах Восточной Сибири некоторые учреждения появились впервые, в незначительном количестве, детскому населению в них была предоставлена возможность получения специализированной медицинской помощи.

Амбулаторная медицинская помощь детскому населению в Восточной Сибири в 1920-е гг. получила значительно большее

развитие, чем стационарная. Основным направлением деятельности детских амбулаторий в 1920-х гг. стало проведение диспансеризации детского населения с целью выявления заболеваний и их дальнейшего лечения.

Помимо профилактических амбулаторий, учреждениями оказания амбулаторной помощи детскому населению стали детские консультации, которые были абсолютно новым явлением в Восточной Сибири. Они были призваны осуществлять профилактическую и просветительскую деятельность, обслуживать детей от рождения до трехлетнего возраста. Направлениями деятельности детских консультаций было наблюдение за новорожденными, распространение естественного вскармливания, практическое обучение матерей правильному уходу за детьми.

Детские консультации, по сравнению с детскими профилактическими амбулаториями, получили большее распространение. Если амбулатории были открыты только в губернских и республиканских центрах, то консультации были созданы и в уездных центрах.

Важнейшим направлением деятельности консультаций стала вакцинация детей. Начало этому было положено еще в первой половине 1920-х гг., но массовый характер она приобрела только во второй половине десятилетия. Наибольшее значения для здоровья детей имели прививки против оспы, дифтерии и кори. Вакцинация не всегда проводилась добровольно.

Наличие огромного количества детей, болеющих социально обусловленными заболеваниями, требовало организации специализированных учреждений. В 1920-х гг. наиболее распространенным заболеванием был туберкулез, в связи с чем открывались противотуберкулезные диспансеры и санатории.

Улучшение состояния детского здоровья было невозможно без организации и осуществления целенаправленной санитарно-просветительной работы, являвшейся частью профилактического направления медицинской помощи. Одной из форм санитарного просвещения стало проведение лекций.

Как и в сфере медицинской помощи женщинам, серьезным образом на работу детских медицинских учреждений влиял низкий

уровень материально-технического оснащения и отсутствие достаточного количества квалифицированных медицинских кадров.

Четвертая глава «Развитие системы охраны материнства и детства в восточносибирских городах и селах в годы пятилеток» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Деятельность медицинских организаций по оказанию лечебно-профилактической помощи женскому населению» показано, что отличительными особенностями периода 1930-х гг. стало продолжение институционализации государственной социальной политики в сфере охраны здоровья женщин, более масштабный характер, резкий количественный рост учреждений здравоохранения, модернизация медицинской практики. Проанализирована динамика развития количественных показателей системы лечебно-профилактической помощи женщинам в 1930-е гг. в сравнении с данными 1920-х гг. Определен наибольший количественный рост родильных домов и учреждений консультационной помощи на территории Читинской области и Красноярского края. Наименьшее количество самостоятельных роддомов было в Якутской АССР.

Институциональная обеспеченность оказания акушерской помощи женщинам на территории Восточной Сибири в начале 1930-х гг. имела меньшие объемы и возможности по сравнению с другими регионами.

Анализ соотношения демографических сведений и количественных показателей медицинских учреждений позволил сделать вывод, что улучшение в обеспеченности женщин родильными койками произошло в Иркутской области и Красноярском крае, в целом по всей территории Восточной Сибири она выросла в среднем в 7 раз. Наибольший охват женского населения родильными домами к концу 1930-х гг. наблюдался в Читинской области и БМАССР, наименьший – в Иркутской области и ЯАССР. В среднем по Восточной Сибири один роддом приходился на 25 тыс. женщин. Значительная обеспеченность женщин консультационной помощью была достигнута в Читинской области и БМАССР, в меньшей степени – в ЯАССР и Красноярском крае. В среднем по Восточной Сибири одна консультация обслуживала 35 тыс. женщин.

Соотнесение демографических показателей и статистических сведений системы здравоохранения показывает, что абсолютный рост

количества медицинских учреждений в регионе не всегда соответствовал увеличению фактического охвата женского населения лечебно-профилактической помощью.

Распространение акушерско-гинекологической помощи женщинам потребовало осуществления целенаправленной работы по формированию изначально отсутствовавшей потребности в ней у женщин, информационной работы, борьбы с традициями и суеверностью, в результате чего акушерско-гинекологическая помощь стала частью новой бытовой культуры населения, привела к изменению отношения к женщине, процессу рождения ребенка. Темпы развития гинекологической помощи отставали от темпов роста акушерской помощи. В 1930-е гг. в СССР был сделан акцент на развитии родовспоможения, в то время как охране репродуктивного здоровья женщины достаточного внимания не уделялось.

Во **втором параграфе «Проведение мероприятий, направленных на охрану здоровья детей»** показано, что процесс создания детских стационарных и амбулаторных учреждений в течение 1930-х гг. протекал более активно, чем в 1920-е гг., наблюдалось постепенное увеличение количества медицинских учреждений, и, как следствие, – рост охвата детей медицинской помощью. Анализ количественных данных показал, что наибольшее количество детских профилактических амбулаторий было создано на территории современных Республики Бурятия, Иркутской области и Забайкальского края, наименьшее – на территории Республики Саха (Якутия).

Наибольший количественный рост учреждений детской консультационной помощи произошел на территории Красноярского края, Иркутской области и Читинской области. В наименьшей степени детские консультации получили распространение на территории современной Республики Бурятия и Республики Саха (Якутия). Анализ степени охвата детского населения консультационной помощью показал отсутствие прямой связи количества учреждений и реальной обеспеченности медицинской помощью. Так, 9 консультаций БМАССР в среднем обслуживали по 28 тыс. детей, а 31 консультация Красноярского края – более 30 тыс.

Результатом роста количественных и качественных показателей лечебно-профилактической помощи детскому населению на

территории Восточной Сибири явилось снижение уровня младенческой смертности.

В течение 1930-х гг. произошло изменение функциональной направленности многих учреждений системы охраны детского здоровья. Если в 1920-е гг. перед учреждениями стояла задача спасения детей от смерти, то в 1930-е гг. учреждения должны были повысить качество жизни детского населения посредством активной санитарно-профилактической работы, диспансеризации детского населения, лечения отдельных видов заболеваний, снижения заболеваемости детей.

Как и в предыдущий период, в 1930-е гг. сохранялась проблема кадровой и материальной обеспеченности учреждений лечебно-профилактической помощи детскому населению. Особенно остро стояли эти вопросы в сельской местности и в удаленных от административных центров районах Восточной Сибири. Пятилетние планы кадрового и материального обеспечения учреждений зачастую не выполнялись.

Сформированная потребность населения в получении медицинской помощи при масштабном количественном росте учреждений здравоохранения не могла быть удовлетворена в связи с процессом урбанизации, приведшем к резкому росту городского населения и ростом населения государства в целом. Темпы создания детских учреждений отставали от темпов роста населения Восточной Сибири.

Пятая глава «Организация дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири» включает два параграфа.

В первом параграфе **«Начальный этап формирования сети дошкольных учреждений в 1920-е гг.»** исследован процесс создания дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири в 1920-е гг., который протекал с некоторыми особенностями, обусловленными удаленностью от административного центра, многонациональным составом населения, большей патриархальностью быта. Открытие дошкольных учреждений осложнялось отсутствием опыта их деятельности на данной территории в досоветский период.

Анализ использованных количественных данных позволил сделать вывод о сокращении сети дошкольных учреждений в 1921–1925 гг. в связи с уменьшением финансирования и постепенного

восстановления их количества к концу 1920-х гг. Значительных успехов удалось достичь только в отношении сезонных дошкольных учреждений. Количество постоянных дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири оставалось крайне незначительным в течение всего десятилетия. Однако открытие дошкольных учреждений позволило определенной части женщин более активно участвовать в общественной жизни и трудовых отношениях, повысить образовательный уровень, они стали средством распространения новой бытовой культуры, осуществления системного воспитания и обучения детского населения.

Исследование показало, что причинами неэффективности мероприятий по созданию и развитию системы дошкольных учреждений в Восточной Сибири были: дефицит материальных и финансовых ресурсов, отсутствие стабильного кадрового состава, недостаточно высокий уровень его профессиональной подготовки, высокая заболеваемость детей в учреждениях, отсутствие гибкого графика работы, настороженное отношение населения, климатические особенности, организационные трудности.

Во втором параграфе «Деятельность дошкольных учреждений в 1930-е годы» исследован процесс развития учреждений дошкольного воспитания на территории Восточной Сибири в 1930-е гг. Масштабное привлечение в производственные процессы значительной части женского населения остро ставило вопрос о создании институциональной поддержки сочетания материнства с оплачиваемой занятостью женщин. Дошкольные учреждения становились одним из инструментов роста женской трудовой занятости. Социалистическая модернизация увеличивала потребность в более высоком образовательном уровне работниц, освоении женщинами новых профессиональных уровней и социальных ролей. Дошкольные учреждения стали рассматриваться государством как одно из условий возможного повышения квалификации женщины, включения ее в общественно-политические процессы.

Сравнительный анализ количества учреждений в системе дошкольного воспитания показал постепенный рост их числа на территории Иркутской области, Красноярского края и БМАССР. В то же время в Бурятии, Якутии и Хакасской автономной области в наибольшей степени выросло число сезонных учреждений: яслей и

детских площадок. Посещаемость дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири увеличилась, но достичь поставленной государством задачи абсолютного охвата детей не удалось.

В течение 1930-х гг. сохранялась переполненность детских учреждений, их тяжелое материальное положение. Отсутствие качественно организованного медицинского обслуживания в дошкольных учреждениях нередко приводило к росту числа инфекционных заболеваний. На преодоление кадрового дефицита была направлена организация массовой краткосрочной курсовой подготовки. В условиях более низкой заработной платы по сравнению с другими учреждениями и непродолжительного периода обучения профессиональные характеристики сотрудников оставались на невысоком уровне.

Анализ национального состава детей в дошкольных учреждениях Хакасии, Якутии и Бурятии показал, что включение детей коренных национальностей Восточной Сибири в систему дошкольного воспитания произошло в более поздние сроки, по сравнению с русским составом населения, что было обусловлено климатическими условиями, особенностями хозяйствования, сложностью создания дошкольных учреждений в регионах с низкой плотностью населения, особенностью религиозной культуры. Для наибольшего привлечения детей коренных национальностей в дошкольные учреждения были разработаны и реализованы такие механизмы, как создание национального кадрового состава, национальных детских садов, разъяснительная работа среди родителей о необходимости пребывания ребенка в дошкольном учреждении.

Шестая глава «Реализация государственной политики в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, в восточносибирских городах и селах в 1920–1930-е гг.» включает два параграфа.

В первом параграфе «Зарождение системы учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, в 1920-е гг.» рассмотрены мероприятия по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, и их дальнейшей социализации в течение 1920-х гг. В связи с ростом детской беспризорности на территории региона в экстренном режиме создавались приемники, в которых размещались выявленные беспризорные дети. В большинстве случаев

передвижение беспризорных детей проходило по железнодорожным магистралям, в связи с чем приемные пункты были открыты в крупных железнодорожных узлах – Иркутске, Красноярске, Чите, Абакане, Ачинске, Канске. Приемные пункты находились в ведении отделов народного образования. Вторым государственным учреждением, в которое, в большинстве случаев, попадал беспризорный ребенок после приемного пункта, был детский дом.

В начале 1920-х гг. в Восточной Сибири детские дома создавались на основе приютов, существовавших в дореволюционный период благодаря частной благотворительной инициативе. В то же время из-за беспрецедентного роста детской беспризорности стали создаваться новые учреждения. Наибольшее количество детдомов было в Енисейской и Иркутской губерниях, наименьшее – в Забайкальской губернии, БМАССР и ЯАССР. Всего в детдомах Восточной Сибири, по данным 1922 г., находилось 6138 детей.

Успешность осуществления политики по сокращению и ликвидации детской беспризорности в СССР была непосредственно связана с кадровым обеспечением детских домов. Отсутствие необходимого количества педагогического и технического персонала в начале 1920-х гг. было практически повсеместным. К концу 1920-х гг. на одного воспитателя в среднем приходилось 60 детей. Сложности формирования кадрового состава были связаны с тяжелыми условиями труда и особенностями поведения воспитанников. Дефицит подготовленных кадров и увеличение потребностей в них из-за интенсивного расширения сети детдомов и их контингента приводил к низкому уровню квалификации педагогического и технического персонала.

В течение 1920-х гг. сохранялись и продолжали реализовываться дореволюционные традиции семейных форм жизнеустройства детей, оставшихся без попечения родителей, однако в виду преобладания идеи общественного воспитания замещающие семьи получили меньшее распространение, чем государственные учреждения. Оказывали влияние сложные социально-экономические условия, с которыми сталкивались жители Восточной Сибири в своей повседневной жизни.

Передача детей, оставшихся без попечения родителей, осуществлялась в форме патроната, опеки и усыновления

(удочерения) и носила единичный характер. Так, в БМАССР в период с 1923 по 1925 г. в крестьянские семьи было передано всего 22 ребенка, в Забайкальской губернии в 1922 г. – 45 детей. В Енисейской губернии в 1923 г. на патронатную форму воспитания было переведено всего 15 детей, а в 1924 г. – 17. Принятие ряда нормативных актов, регламентирующих семейную форму воспитания беспризорных детей, в течение второй половины 1920-х гг. привело к увеличению количества детей, переданных из государственных учреждений в систему патроната, усыновления или опеки. Например, в 1926 г. в Иркутской губернии было передано на воспитание 404 ребенка.

Во втором параграфе **«Меры социальной политики в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, в 1930-е гг.»** проанализирована реализация государственной политики в отношении беспризорных детей на территории Восточной Сибири в течение 1930-х гг.

Показателем сохранения высоких масштабов детской беспризорности в 1930-х гг. является большое количество детей, поступающих в приемно-распределительные пункты. В 1935 г. через четыре приемника Восточно-Сибирского края прошло более двух тысяч детей.

Сохранение высокого уровня детской беспризорности на территории Восточной Сибири в течение 1930-х гг. обусловило увеличение сети государственных учреждений для постоянного пребывания детей, оставшихся без попечения родителей, а также рост их наполняемости. К концу 1930-х гг. в детских учреждениях Восточной Сибири размещалось более шести тысяч детей. Большинство учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, располагалось на территории современных Иркутской области и Красноярского края. В Бурятии, Якутии и Хакасии данные учреждения не приобрели массового характера, оставались редким видом государственных учреждений.

В течение 1930-х гг. сохранялась проблема переполненности детских домов, нарушались правила их комплектования, сохранялся острый кадровый дефицит. На территории Восточной Сибири к концу 1930-х гг. возможности получения образования, направленного на подготовку специалиста по работе с детьми, оставшимися без

попечения родителей, не было. Высокий уровень заболеваемости детей был обусловлен низким уровнем организации медицинской помощи в учреждениях и нарушением санитарных норм.

В течение 1930-х гг. устройство воспитанников в замещающие семьи стало носить более масштабный характер, чем в предыдущий период. В 1937 г. в Восточной Сибири на условиях патроната проживало 3692 ребенка. Усыновление (удочерение) как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, не получило серьезного распространения в виду отсутствия финансовой и материальной помощи со стороны государства в отношении детей, приобретавших правовой статус родного ребенка в семье.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы.

Проведенное исследование показало, что после установления Советской власти Советское государство, несмотря на трудности послереволюционного времени и разразившуюся Гражданскую войну, одной из составляющих социальной политики считало заботу о населении, в первую очередь о женщинах и детях. С этой целью были созданы специальный Наркомат социального обеспечения, Наркомпрос, Наркомздрав и другие органы, координирующие эту деятельность.

Значительная работа велась в области охраны материнства и детства: уже в годы Гражданской войны повсеместно создавались дома матери и ребенка, родильные дома, женские и детские консультации, молочные кухни, в 1919 г. было введено бесплатное детское питание и т.д. Специальные меры предпринимались по борьбе с детской беспризорностью.

В течение 1920–1930-х гг. в СССР произошли серьезные изменения в социальной сфере. Несмотря на остаточный принцип финансирования социальных нужд, модернизация экономики требовала повышения благосостояния народа, подъема его жизненного уровня. Отсюда несомненное внимание властей к развитию системы здравоохранения и образования. Охрана материнства и детства по-прежнему была приоритетным направлением государственной социальной политики. Государство взяло на себя ответственность за создание условий организации рождения и воспитания детей, их всестороннего развития, а также

профилактику и лечение заболеваний женского и детского населения. Впервые в отечественной истории была разработана и создана масштабная институциональная государственная поддержка женщин и детей.

Процесс разработки и реализации нового подхода к социальной политике в отношении материнства и детства потребовал создания нормативно-правовой базы, регулирующей формирующиеся общественные отношения. Проявлением процесса стало принятие целого комплекса нормативно-правовых актов, направленных на изменение правового статуса женщин и детей. Они получили новые возможности, отсутствовавшие в массовом масштабе в предыдущий период, в частности, бесплатную лечебно-профилактическую помощь, пребывание ребенка в дошкольном учреждении, женское профессиональное образование.

Изучение данной темы на материалах одного из крупнейших социально-экономических регионов страны – Восточной Сибири, являвшейся, с одной стороны, частью Советской страны, а, с другой, - территорией со своими историко-географическими особенностями, позволило выявить следующее.

Основным результатом реализации социальной политики в отношении материнства и детства на территории Восточной Сибири стало создание развитой системы женских и детских государственных учреждений: женских и детских консультаций, роддомов, больниц, амбулаторий, детских яслей и садов, молочных кухонь и других. В течение 1920–1930-х гг. отмечен рост количественных показателей всех учреждений охраны материнства и детства, большая часть которых располагалась в Иркутской области и Красноярском крае, меньшая – в национальных регионах, современных Республиках Бурятия и (Саха) Якутия.

Рост количественных показателей системы охраны материнства и детства привел к увеличению охвата женского и детского населения, однако добиться масштабного привлечения женщин и детей в учреждения на территории Восточной Сибири не удалось. Система учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, не соответствовала их реальному количеству, что порождало значительные масштабы уличной беспризорности.

Реализация социальной политики в отношении материнства и детства осуществлялась в условиях серьезного дефицита финансовых, материальных и кадровых ресурсов, что способствовало снижению качественных характеристик деятельности учреждений охраны материнства и детства в Восточной Сибири, негативно сказывалось на результатах осуществления данного направления государственной социальной политики.

Реализация мероприятий в отношении женщин и детей в национальных районах Восточной Сибири проводилась с учетом национальных особенностей. Гибкий характер государственной социальной политики в отношении материнства и детства выражался в ее приспособлении к условиям проживания различных национальностей, их привычному образу и укладу жизни.

К концу 1930-х гг. в СССР, в целом, и в Восточно-Сибирском регионе, в частности, был сформирован кадровый состав детских и женских учреждений, однако преобладание краткосрочных форм профессиональной подготовки и изначально низкий уровень образования нередко влияли на квалификацию сотрудников. Низкий уровень заработной платы, неудовлетворительные жилищные условия, высокая эмоциональная напряженность приводили к интенсивной смене кадрового состава, что обусловило недостаточно высокий уровень эффективности работы учреждений.

Таким образом, изучение истории осуществления мер государственной политики в отношении материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. показало, что в СССР была разработана и реализована новая модель охраны материнства и детства, однако ограниченность всех видов ресурсов, обусловленная трудностями развития государства на данном историческом этапе, снижала возможности ее эффективной реализации. Тем не менее, исторический опыт существования этой системы в нашей стране, ее востребованность и жизнеспособность и в настоящее время свидетельствуют о правильно избранном курсе Советским государством в области охраны материнства и детства на ранних этапах его существования.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК

1. Лебедева Е. Н. Социализация беспризорных подростков в Иркутской области и Красноярском крае в 1930-х гг. / Е. Н. Лебедева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2007. – №1(29). Т. 2. – С. 236-237.
2. Афанасова Е. Н. Развитие сети дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – №6. – С. 220-225.
3. Афанасова Е. Н. Реализация государственной политики запрещения аборт на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2012. – №7. – С.227-231.
4. Афанасова Е. Н. Организация дошкольного воспитания в Восточной Сибири в 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Казанская наука. – 2012. – №10. – С. 24-27.
5. Афанасова Е. Н. Организация медико-социальной помощи в женских и детских консультациях на территории Забайкальской губернии и БМАССР во второй половине 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Забайкальского государственного университета. – Чита: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2012. – №12. – С. 3-9.
6. Афанасова Е. Н. Организация медицинской помощи детям в Восточной Сибири в 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №4 (30): в 3-х ч. Ч II. – С. 23-26.
7. Афанасова Е. Н. Детские дома Бурятии как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №5 (31): в 2-х ч. Ч I. – С. 18-22.
8. Афанасова Е. Н. Формирование и развитие системы охраны материнства и детства в Якутской АССР в 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и

юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – №6 (32): в 2-х ч. Ч I. – С. 24-27.

9. Афанасова Е. Н. Становление и развитие системы социальной защиты детей в Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник КрасГАУ. – 2013. – №7. – С. 274-278.

10. Афанасова Е. Н. Становление и развитие системы оказания акушерско-гинекологической помощи в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – №4. – С. 21-27.

11. Афанасова Е. Н. Проблемы организации охраны здоровья детей в Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – №3(55). Т.1. – С. 28-31.

12. Афанасова Е. Н. Материалы Государственного архива Российской Федерации об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. / Е. Н. Афанасова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №1(51): в 2-х ч. Ч II. – С. 25-28.

13. Афанасова Е. Н. Детские дома на территории Якутской АССР в 1920-е гг. / Е. Н. Афанасова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – №1(31). – С. 78-81.

14. Афанасова Е. Н. Материалы региональных архивов об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2015. – №4(99). – С. 365-370.

15. Афанасова Е. Н. Становление системы акушерско-гинекологической помощи в первой половине 1920-х гг. (по материалам Восточной Сибири) / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2015. – №5(100). – С. 319-324.

16. Афанасова Е. Н. Материалы периодических изданий как источник изучения государственной политики в области охраны материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2016. – №1(23). – С. 73–78.

17. Афанасова Е. Н. Создание и развитие системы дошкольных учреждений в 1920-х гг. в Якутской АССР / Е. Н. Афанасова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2016. – № 3 (37). – С. 62–69.

18. Афанасова Е. Н. Формирование кадрового состава дошкольных учреждений Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 64–69.

19. Афанасова Е. Н. Становление и развитие системы дошкольного воспитания в национальных республиках Восточной Сибири в 1920-е гг. / Е. Н. Афанасова, Л. В. Занданова // Гуманитарный вектор. – 2019. – Т. 14. – №3. – С. 48-54.

Монографии

20. Афанасова Е. Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова. – Иркутск : ГОУ ВПО «Восточно-Сибирская академия образования», 2011. – 255 с.

21. Афанасова Е. Н. Охрана материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова. – Иркутск : ИрГУПС, 2016. – 176 с.

Научные статьи, доклады

22. Лебедева Е. Н. Детские дома в Иркутской губернии в 20-х гг. XX в / Е. Н. Лебедева // Школьное краеведение: история и современность. Материалы областной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Иркутский государственный педагогический университет», 2004. – С. 118-124.

23. Лебедева Е. Н. Хозяйственное обеспечение и финансирование детских домов Иркутской губернии (области) в 20-х – 30-х гг. XX в / Е. Н. Лебедева // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности. Материалы Дуловских чтений 2005 г. – Кн. 1. – Иркутск: Иркутский государственный педагогический университет, 2005. – С. 172-180.

24. Лебедева Е. Н. Патронирование в Иркутской области и Красноярском крае в 20–30-х гг. XX в. / Е. Н. Лебедева // Доклады и выступления участников Первой региональной научно-практической

- исторической конференции школьников и учителей. – Иркутск: Иркутский государственный педагогический университет, 2005. – С. 106-113.
25. Лебедева Е. Н. Профессиональная подготовка воспитанников детдомов в 20–30-х гг. XX в. (на материалах Иркутской области и Красноярского края) / Е. Н. Лебедева // Гуманитарные исследования в Сибири в контексте российских перемен. – Братск: БрГУ, 2006. – С. 94-100.
26. Лебедева Е. Н. Кадровый состав детских домов Иркутской и Енисейской губерний в первой половине 1920-х гг. / Е. Н. Лебедева // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2007. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – С. 261-264.
27. Лебедева Е. Н. Санитарное состояние детдомов Иркутской области и Красноярского края в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Лебедева // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всероссийской науч.-теор. конф. – В 2-х кн. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2007. – Кн. 2. – С. 3-8.
28. Афанасова Е. Н. Динамика численного состава детских домов Иркутской области в 1920-х годах / Е. Н. Афанасова // Вторые университетские чтения: Материалы региональной научной конференции. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008. – С. 129-134.
29. Афанасова Е. Н. Детская беспризорность в отечественной историографии 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 449-452.
30. Афанасова Е. Н. Типология детских учреждений для беспризорных детей 1920–1930-х гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) / Е. Н. Афанасова // Третьи университетские чтения: Материалы региональной научной конференции. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009. – С. 201-206.
31. Афанасова Е. Н. Детская беспризорность: взгляд отечественной историографии 1970–2000-х гг. / Е. Н. Афанасова // Историко-социологические исследования: сборник статей. – Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «ВСГАО», 2009. – С. 4-14.
32. Афанасова Е. Н. Организация краевого дома трудового воспитания в селе Александровском в 1934–1935 гг. / Е. Н. Афанасова // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность:

материалы всерос. науч.-теорет. конф. – Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2010. – С. 198-202.

33. Афанасова Е. Н. Работа комиссии по улучшению жизни детей в борьбе с детской беспризорностью в 1920–1930-х гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края) / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2010. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. – С. 235-238.

34. Афанасова Е. Н. Формирование организационной основы социальной политики в отношении детей в 1917–1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вопросы истории и социологии: сборник научных статей. – Иркутск: Издательство ГОУ ВПО «ВСГАО», 2011. – С. 8-10.

35. Афанасова Е. Н. Реализация государственной политики сокращения детской беспризорности на железной дороге в Иркутской области и Красноярском крае в первой половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вопросы истории и социологии: сборник научных статей. – Иркутск: Издательство ГОУ ВПО «ВСГАО», 2011. – С. 11-13.

36. Афанасова Е. Н. Деятельность детских учреждений закрытого типа системы НКВД на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг / Е. Н. Афанасова // Сибирская ссылка: сборник научных статей. Иркутск: Отгиск, 2011. Вып. 6. – С. 531-537.

37. Афанасова Е. Н. Реализация постановления ЦИК и СНК СССР «О запрещении абортов...» на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2012. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. – С. 322-327.

38. Афанасова Е. Н. Развитие сети роддомов на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 3 т. Т.1: материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. – С. 104-108.

39. Афанасова Е. Н. Деятельность женских консультаций на территории Восточной Сибири во второй половине 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Теория и практика современной науки: материалы VIII Межд. науч.-практ. конф. В 3-х тт. Т.2. – Москва: Изд-во «Спецкнига», 2012. – С. 90-95.

40. Афанасова Е. Н. Изменение уровня младенческой смертности в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. – С. 467-473.
41. Афанасова Е. Н. Кадровое обеспечение системы акушерско-гинекологической помощи в первой половине 1920-х гг. (по материалам Восточной Сибири) / Е. Н. Афанасова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Москва: Издательский центр Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2013. – № 11. – С. 146-149.
42. Афанасова Е. Н. Колхозные роддома и акушерские пункты в системе оказания акушерско-гинекологической помощи во второй половине 1930-х гг. (по материалам Восточной Сибири) / Е. Н. Афанасова // Теория и практика современной науки: сборник материалов XII международной конференции. – Москва: Изд-во Института стратегических исследований, 2013. – С. 310-316.
43. Афанасова Е. Н. Проблемы формирования кадровых ресурсов учреждений акушерско-гинекологической помощи во второй половине 1920-х гг. (по материалам Восточной Сибири) / Е. Н. Афанасова // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2014. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 194-199.
44. Афанасова Е. Н. Государственная политика сокращения детской беспризорности на железной дороге в первой половине 1930-х гг. (по материалам Иркутской области и Красноярского края) / Е. Н. Афанасова // Транспортная инфраструктура Сибирского региона: материалы Седьмой международной научно-практической конференции. – Иркутск: в 2 т., Т. 2. – Иркутск: ИрГУПС, 2016. – С. 710-713.
45. Афанасова Е. Н. Правовые основы охраны материнства и детства в 1920-х гг. / Е. Н. Афанасова // Транспортная инфраструктура Сибирского региона: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск: в 2 т. – Иркутск: ИрГУПС, 2017. – Т. 2. – С. 638-641.